

23.00.04 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ /
POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL
AND REGIONAL DEVELOPMENT

Серия «Политология. Религиоведение»
2021. Т. 35. С. 47–54
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 341.222.26

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.35.47>

Территориальные споры Китая и стран Юго-Восточной Азии в XXI в. как источник внутривластных выгод КНР

А. Б. Ринчинов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Рассматриваются аспекты территориальных споров КНР с Вьетнамом и Индией. Описывается реакция граждан Китая на территориальные споры с этими странами и вопросы защиты территориальной целостности КНР. Приводятся примеры различий в реакции официальных источников информации и рядовых граждан КНР на территориальные конфликты Китая на море. Излагаются вероятные причины различных тактик поведения китайского руководства в кризисных ситуациях.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, территориальные конфликты, Вьетнам, Индия.

Для цитирования: Ринчинов А. Б. Территориальные споры Китая и стран Юго-Восточной Азии в XXI в. как источник внутривластных выгод КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 35. С. 47–54. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.35.47>

Последнее десятилетие XX в. характеризовалось активным наращиванием сотрудничества между КНР и объединением стран Юго-Восточной Азии АСЕАН. В целом развитие дипломатического диалога в рамках дискуссии с объединением государств является для Китая, как правило настаивающего на развитии исключительно двустороннего формата решения дипломатических вопросов, нетипичным примером. Однако не в последнюю очередь за счет географической близости такой подход Китая в вопросах сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА) имеет свои преимущества. Так, например, Пекин декларировал свою готовность к ведению переговоров по урегулированию разногласий в Южно-Китайском море и в 2002 г. поддержал инициативу АСЕАН, присоединившись к Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, согласно которой стороны обязались решать свои споры исключительно мирными средствами – путем консультаций и переговоров между непосредственно вовлеченными в споры

государствами. Немаловажной деталью в этом является тот факт, что именно КНР сыграла роль инициатора такого соглашения. Подтверждением того высокого уровня, которого достигло взаимодействие между Китаем и организацией АСЕАН, стало установление между ними в 2003 г. «стратегических партнерских отношений». В том же году Китай первым из внешних партнеров АСЕАН присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии [3].

Исследователи, изучающие китайскую внешнюю политику, а в особенности модель поведения Китая в случае обострения конфликтных ситуаций у собственных рубежей, как правило, рассматривают мотивации китайского руководства, исходя из критериев, не учитывающих китайскую специфику. Эта специфика проявляется во многих аспектах как этнических (формальная полиэтничность при одном доминирующем этническом большинстве, мощные региональные центры внутри ханьского этноса, обширная диаспора за рубежом), так и политических (партийно-государственная политическая система КНР, параллельное существование сразу нескольких моделей развития китайской нации) особенностей, характерных для КНР. Решения пекинского руководства практически не рассматриваются исследователями с позиции утверждения авторитета КПК как партии, осуществляющей «мечту о возрождении нации» и конкурирующей за «сердца и умы» в рамках синосферы.

Двумя мощными рычагами КПК во внешней политике, которыми та активно пользуется с началом нового века, являются «мягкая сила» (де-факто ставшая синонимом непреклонному росту влияния китайской культуры) и так называемая экономическая дипломатия. Резко увеличивается, в первую очередь за счет Сингапура и *хуацяо* (китайская диаспора за рубежом), влияние китайской информационной и развлекательной индустрии, направленной вовне. Регион ЮВА становится первым испытывающим как экономическое, так и культурное влияние КНР после начала восстановительного роста экономик Восточной Азии по итогам кризиса 1998 г. В общей сложности на десять стран ЮВА приходится порядка половины от всего экспорта китайских телевизионных программ за рубеж (по общему количеству часов трансляции), что позволяет говорить о ЮВА как о крупнейшем рынке для китайской информационно-развлекательной продукции и государственных СМИ КНР и по настоящее время [2, с. 38]. Очевидно, что такое доминирование в сфере отводит КНР особую роль, которую она играет в формировании информационной повестки в регионе. В дополнение к этому китайское правительство последовательно наращивает активность в секторе международной образовательной деятельности. Об этом говорит резкий рост привлекательности китайского образования для иностранных граждан, в том числе это справедливо и для граждан стран – членов АСЕАН. В течение первого десятилетия XXI в. количество оплаченных из бюджета КНР студенческих мест для граждан АСЕАН возросло более чем в четыре раза и продолжает расти до сих пор [Там же, с. 39].

После прихода к власти в КНР пятого поколения китайских руководителей под лидерством Си Цзиньпина страна стала гораздо более активно

участвовать во внешней политике. Впервые со времен Мао Цзэдуна Китай разморозил множество нерешенных территориальных конфликтов со своими соседями. Фактически произошел отказ от тактики Дэна Сяопина, предписывающей Китаю «искусно не высовываться» (палл.: *таогуан янхуэй*). Размороженные конфликты периодически входят в активную фазу, на данный момент основными ответчиками Китая по территориальным спорам являются Индия, Япония и Вьетнам.

Конфликт с Вьетнамом вокруг групп островов в Южно-Китайском море заслуживает рассмотрения в контексте обоюдного применения в нем националистической риторики. В настоящее время расконсервирован один из таких конфликтов – спор вокруг проблемы принадлежности Парасельских островов. Формально конфликт вошел в активную фазу в июле 2007 г., когда китайский пограничный корабль обстрелял вьетнамское геолого-разведочное судно. Однако на тот момент инцидент обрел статус единичного и не привел к серьезному отклику в СМИ. 2 мая 2014 г. Китай установил в зоне архипелага буровую платформу в двухстах километрах от береговой линии континентального Вьетнама. А 5 мая того же года китайской стороной было заявлено, что КНР начинает добычу нефти и газа в регионе. Охрану платформы обеспечивали корабли флота НОАК. МИД Вьетнама немедленно выступил с нотой протеста, заявив, что место установки китайской буровой платформы находится в исключительной экономической зоне Вьетнама. Последний потребовал прекратить «незаконные действия» и убрать платформу, на что МИД КНР ответил, что «бурение происходит в китайских водах» [1, с. 180].

Это заявление было сделано китайской стороной на основании того факта, что в 2009 г., т. е. спустя шесть лет после подписания Декларации о поведении..., КНР официально подтвердила свои притязания в рамках так называемых «девяти отрезков». Такая позиция МИД КНР предполагает нахождение до 80 % всего Южно-Китайского моря внутри исключительной экономической зоны КНР. В ходе кампании по освоению южных рубежей на острове Хайнань была создана военно-морская база, проводятся регулярные флотские маневры. Территории де-факто контролируемых КНР островов внутри «девяти отрезков» отсыпаются, на них возводятся временные аэродромы и военные базы. Несмотря на то что со временем буровая платформа была отбуксирована вглубь контролируемых КНР вод, активная фаза конфликта с тех пор обостряется волнообразно. В частности, поводами становятся заявления о том, что, несмотря на размещение новых добывающих платформ внутри фактически контролируемой КНР водной поверхности, бурение происходит в нефтегазоносных бассейнах, принадлежащих Вьетнаму.

Наибольший всплеск сообщений националистического характера в отношении Вьетнама в китайском сегменте интернета приходится именно на 2014 г. и связан с ситуацией противостояния китайского и вьетнамских флотов в районе пересечения экономических зон. Китайские пользователи сети Интернет называют вьетнамцев «дьяволами» (палл.: *гуйцзы*) [7, с. 65], активно напоминают о цивилизационной несоизмеримости с Китаем, попрекая

вассальным статусом в имперский период, а также указывают на поддержку, оказанную в период войны Северного Вьетнама с США [7, с. 66]. Параллельно с этим пользователи демонстрировали общую неосведомленность об истоках конфликта, требуя «казнить» всех посягающих на «суверенные морские границы КНР» [Там же]. До сих пор не известно, проходили ли внутри КНР стихийные акции в отношении Вьетнама, аналогичные антияпонским выступлениям 2012 г., или же власти заблаговременно учли этот сценарий и подавили выступления на начальной стадии, однако усиление зависимости китайского руководства от национализма в деле обеспечения внутривластной стабильности приводит к ужесточению китайской внешней политики.

Как уже было замечено ранее, несмотря на сходную риторику, уже проявлявшуюся в период противостояния Японии в вопросе принадлежности островов Даоюйтай в 2012 г., в 2014 г. КНР удалось избежать массовых акций протеста. Более того, исследования показывают, что в среднем в китайских СМИ освещению ситуации вокруг Даоюйтай уделялось несоизмеримо больше времени и ресурсов, чем конфликту в Южно-Китайском море. Реакция была гораздо более умеренной, даже несмотря на то что в случае конфликта с Вьетнамом напрямую физически пострадали граждане КНР. В мае 2014 г. во Вьетнаме был зарегистрирован всплеск этнического насилия против китайских граждан [5]. И напротив, в случае территориального спора с Японией пострадали китайские граждане исключительно в пределах самой КНР. Участники антияпонских демонстраций громили магазины, торгующие японскими товарами, и переворачивали машины японского производства, публично обвиняя их владельцев в отсутствии чувства патриотизма [8, с. 185].

С высокой долей вероятности такое отличие в реакции связано с разным балансом сил в двух описываемых ситуациях. В конфликте с Японией КНР занимает наступательную позицию (так как де-факто острова контролируются японской стороной) и имеет дело с давним историческим противником, которого поддерживают в рамках соглашения о взаимной обороне в том числе Соединенные Штаты [8, с. 190]. В то же время Парасельские острова уже активно осваиваются КНР, несколько островов архипелага Спратли также контролируются Китаем. В этом конфликте, с заведомо более слабым оппонентом, Китай может экономить ресурсы и действовать более осмотрительно. В отличие от комментариев в интернет-пространстве выпады правительственных СМИ КНР в адрес Вьетнама в период активной фазы не содержали отсылок ни к приграничной войне 1979 г., ни даже к готовности «применить силу» для разрешения противоречия. Напротив, официальные СМИ КНР в контексте ситуации, сложившейся в Южно-Китайском море в 2014 г., отмечали «облегчение», о котором говорили опрошенные корреспондентами граждане КНР в связи с тем, что ситуация разрешилась без применения силы [7, с. 65]. В то же время период противостояния с Японией прошел в общей нарративной канве «великого возрождения» после «векового унижения», а обращения содержали постоянные отсылки к послевоенному урегулированию и допускали использование военной силы для

защиты суверенитета КНР [8, с. 179], под который (формально, с точки зрения КНР) подпадают острова Даоюйтай.

На фоне усиления враждебной риторики в территориальных спорах новое китайское руководство с 2013 г. принимает ряд мер, направленных на демонстрацию важности Китая и торговли с Китаем для региона ЮВА. Пекин интенсифицировал свою дипломатическую активность, усилил экономическую дипломатию и предложил странам несколько привлекательных крупных проектов, фактически демпингуя попытки Вьетнама переориентироваться на американские рынки во избежание экономической зависимости. За год до резкого обострения отношений китайская сторона выдвинула важные инициативы в области торговли и инфраструктурного развития региона: создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и колоссальное увеличение товарооборота с АСЕАН. Возможно, именно эти шаги привели к тому, что уже во время своего визита в КНР в 2015 г. (т. е. спустя год после кризиса) Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг и Председатель КНР Си Цзиньпин на официальном уровне договорились о сохранении статус-кво в Южно-Китайском море и совместном поиске приемлемых для двух сторон мер для разрешения территориального спора в будущем [1, с. 180].

В июне 2017 г. конфликт с Вьетнамом вновь дал о себе знать. Заместитель председателя Военного совета КНР генерал Фан Чаньлун прервал свой визит во Вьетнам в ответ на отказ прекратить работы на шельфе вьетнамской стороны в своей исключительной экономической зоне. Китайская сторона обвинила Вьетнам в нарушении договоренности о соблюдении статус-кво. Вьетнам вновь пошел на уступки, учитывая проходящий саммит АТЭС в Дананге и нежелательность нового кризиса в отношениях [4, с. 28]. По этой причине можно заключить, что формально два раунда противостояния с Вьетнамом в 2014 и 2017 гг. завершились установлением статус-кво, но на китайских условиях, а внешнеполитическая тактика КНР доказала свою работоспособность.

Таким образом, маловероятно, что стороны в ближайшей перспективе попробуют разрешить конфликт силовыми методами. В рамках своей «экономической дипломатии» Китай активно агитирует за создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и Зоны свободной торговли в АТР. Страны региона с 2015 г. активно задействованы в разработке нового документа, призванного заменить принятую почти двадцать лет назад декларацию. Позднее, в 2016 г., к уже существующим проектам взаимной интеграции добавилась и идея развития Морского шелкового пути XXI в., который по аналогии с Экономическим поясом Шелкового пути в Центральной Азии должен еще больше переориентировать местные рынки на сотрудничество с КНР в ущерб конкурентам проекта.

С началом 2020 г. в активную фазу в очередной раз вступил приграничный конфликт КНР с Индией. Повторяющиеся инциденты на границе (последний из них широко освещался в СМИ в 2017 г.), которые удавалось избежать по итогам подписания двусторонних соглашений 1993 г., говорят о том, что Китай более не заинтересован в сохранении статус-кво на южной

границе. Риторика, используемая в отношении Индии официальными СМИ КНР, периодически становится темой для скандалов международного уровня [6]. В то же время, как и в китайско-вьетнамском конфликте, властям КНР удастся купировать массовые акции националистов. Напротив, в Индии резкость реакции общественного мнения значительно превосходит умеренные выступления официальных лиц и прессы. Во время нового витка территориальных споров граждане Индии выходили на улицу, жгли флаги КНР и изображения Си Цзиньпина. Несанкционированные массовые акции проводились, несмотря на введенные в Индии ограничения в связи с распространением в этой стране коронавирусной инфекции нового типа [9].

Следует сделать акцент на том, что регулярно повторяющиеся конфликты на линии соприкосновения, имеющей официальное наименование «линия фактического контроля», на данном этапе не имеют отношения к крупным территориальным претензиям Китая к Индии (например, территория штата Аруначал-Прадеш), а составляют порой десятки квадратных метров изгибов горных троп. Рьяные усилия, с которыми власти Китая готовы защищать даже такие малые площади, являются одним из фундаментальных принципов нацистроительства, в соответствии с которыми «границам национального государства» необходимо придать сакральный статус.

Одновременно с этим расконсервация китайским руководством территориальных споров на море хронологически совпадает с введением США политики по «возвращению в Азию» и изменением линии поведения Вашингтона в отношении проблем Южно-Китайского моря. В середине 2010 г. позиция Вашингтона в этих территориальных спорах резко изменилась от дистанционирования к активному посредничеству, всесторонней поддержке Филиппин и Вьетнама в их территориальных спорах с КНР [8, с. 183].

В свете же новой «торговой войны» КНР с США политика Китая в отношении соседних стран стала носить еще более противоречивый характер. Существенно возрос приоритет дипломатического направления в китайско-индийских отношениях, после того как в своей речи в Йорба-Линде госсекретарь США Марк Помпео выделил страны «Индо-Тихоокеанского региона» в качестве создающих баланс в противодействии «китайской угрозе свободному миру» [10]. Высока вероятность того, что Китай вновь законсервирует территориальные споры на период активного поиска политических союзников. Однако даже в своем текущем состоянии внешнеполитический имидж КНР как государства, отстаивающего принципы продолжающейся глобализации и придающего высокий статус системам международной безопасности, выстроенным в XX в., выглядит привлекательнее американской непоследовательности, связанной с электоральными циклами внутри США.

Таким образом, можно сделать вывод, что сотрудничество КНР и стран ЮВА, входящих в АСЕАН, выстраивается на противоречивых принципах. С одной стороны, Пекин стимулирует экономическую зависимость региона от КНР, продвигая проекты зон свободной торговли и привлекая в регион китайские капиталы, с другой же стороны, такая углубляющаяся зависимость экономик делает страны региона чувствительными к любым попыт-

кам противостоять Пекину. Государства фактически лишаются права на маневрирование в случае обострения отношений с КНР. Тот факт, что АСЕАН не является военным альянсом, а ее политические структуры ограничены лишь секретариатом, не дает возможности странам ЮВА оказывать организованное сопротивление внешней политике КНР.

Помимо дуализма, сочетающего в себе усиление экономических связей с жесткой внешней политикой, немаловажным побочным эффектом территориальных споров КНР становятся поводы для демонстрации национального единства внутри КНР. Прецеденты решения внешнеполитических вызовов, в первую очередь территориальных споров, с позиции силы, что в контексте КНР означает, как правило, демонстрацию собственных вооруженных сил, равно как и декларация о возможности их применения, согласно результатам исследования китайского сегмента сети Интернет, ведут к всплеску патриотических настроений в обществе. Таким образом, расконсервация многолетних территориальных споров становится искусственно созданным поводом для утверждения лояльности населения КНР курсу правящей партии, а также методом подтверждения позиций Пекина как основного центра защиты интересов китайской нации среди зарубежной диаспоры. Этот прием, направленный на создание образа защиты собственной территории, является характерным для практики китайского нацистроительства в период правления нового поколения китайских руководителей.

Список литературы

1. *Васильев Л. Е.* К вопросу о территориальных спорах Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22. С. 172–185.
2. *Лексютина Я. В.* Дуализм современной политики Китая в Юго-Восточной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. № 4. С. 35–42.
3. *Ли Г. Ц.* Политики КНР в регионе Южно-Китайского моря // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 420–423.
4. *Лошкин Г. М.* Напряженность в Южно-Китайском море сохраняется // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 3(40). С. 23–35.
5. Chinese firm says Vietnam riot killed four employees // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/1517231/chinese-firm-says-vietnam-riot-killed-four-employees> (date of access: 31.08.2020).
6. Chinese media racist video on India clash sparks anger // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-40957719> (date of access: 31.08.2020).
7. *Cotillon H.* Territorial Disputes and Nationalism: A Comparative Case Study of China and Vietnam // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2017. N 1. P. 51–88.
8. Hybrid Threats: A Strategic Communications Perspective. NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2019. 292 p.
9. Indians hold funerals for soldiers killed at China border, burn portraits of Xi // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-india-china/indians-hold-funerals-for-soldiers-killed-at-china-border-burn-portraits-of-xi-idUSKBN23P0T0> (date of access: 31.08.2020).
10. *Michael R. Pompeo.* Communist China and the Free World's Future // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future/> (date of access: 31.08.2020).

Territorial Disputes between China and Southeast Asian Countries in the XXI Century as a Source of Domestic Political Benefits for PRC

A. B. Rinchinov

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article highlights some aspects of territorial disputes of China with Vietnam and India. The author described the Chinese general public reaction on the border incidents with Vietnam, India, and Japan. The examples given by the author indicate that PRC government performs differently in each of the territorial disputes mentioned. The author has given possible reasons for different tactics used by China's leadership in various crisis situations.

Keywords: China, foreign policy, territorial disputes, Vietnam, India.

For citation: Rinchinov A.B. Territorial Disputes between China and Southeast Asian Countries in the XXI Century as a Source of Domestic Political Benefits for PRC. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 35, pp. 47-54. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.35.47> (in Russian)

Ринчинов Артём Бэликтоевич

аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений Байкальский государственный университет Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11 e-mail: abri3103@gmail.com

Rinchinov Artem Beliktoevich

Postgraduate, Department of International Relations and Customs, Institute of World Economy and International Relations Baikal State University 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation e-mail: abri3103@gmail.com

Дата поступления: 14.09.2020

Received: September, 14, 2020